

Пономарева Дарья Васильевна

ПЬЕСА М. БУЛГАКОВА "ДОН КИХОТ" В СВЕТЕ СТАТЬИ И. ТУРГЕНЕВА "ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ"

В статье анализируется пьеса М. Булгакова "Дон Кихот" в контексте донкихотовской традиции, заложенной в статье И. Тургенева "Гамлет и Дон-Кихот" 1860 года. Освоение традиции реализуется Булгаковым в трагикомическом пародийном образе героического романтика Дон Кихота, синтезирующем черты тургеневских ироника-мыслителя Гамлета и героя-энтузиаста Дон Кихота. Тургеневский миф о Дон Кихоте отражается в пьесе в качестве внедренного драматургом в пьесу "чужого слова", постоянно находящегося в диалогических отношениях со словом автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 161-163. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством. М.: Эксмо, 2012. 114 с.
2. Диккенс Ч. Рождественские истории: повести / пер. с англ. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. 478 с.
3. Диккенс Ч. Святочные рассказы / пер. с англ. Е. Г. Тихомандрицкой. СПб. – М.: М. О. Вольф, 1904. 312 с.
4. Зенкевич С. И. Жанр святочного рассказа в творчестве Н. С. Лескова: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 224 с.
5. Лесков Н. С. Под Рождество обидели // Чудо Рождественской ночи: рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 294-308.
6. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 7. 570 с.
7. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. 464 с.
8. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: «Правда», 1989. Т. 11. 398 с.
9. Полевой Н. А. Святочные рассказы // Чудо Рождественской ночи: рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 50-64.
10. Пыхтина Ю. Г. Модель интертекстуального пространства в художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. II. С. 167-172.

**IDEOLOGICAL-MORAL TRADITIONS OF CH. DICKENS'S CHRISTMAS TALE
IN N. S. LESKOV'S CHRISTMAS STORY**

Pershina Marina Andreevna

*Mari State University
marja8362@mail.ru*

The author analyzes the genesis of N. S. Leskov's Christmas prose, reveals the dominant features of this genre, conducts the complex comparison with the genre of Ch. Dickens's Christmas tale at the level of chronotope construction, key images, symbols and motives, and comes to the conclusion that Christmas prose appears in N. S. Leskov's creative works as the precedent text at the ideological level, combining both genres of common Christian-moral and ethical orientation.

Key words and phrases: Leskov; Christmas story; Dickens; Christmas tale; intertextual connections.

УДК 800.899.82:09

Филологические науки

В статье анализируется пьеса М. Булгакова «Дон Кихот» в контексте донкихотовской традиции, заложенной в статье И. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» 1860 года. Освоение традиции реализуется Булгаковым в трагикомическом пародийном образе героического романтика Дон Кихота, синтезирующем черты тургеневских ироника-мыслителя Гамлета и героя-энтузиаста Дон Кихота. Тургеневский миф о Дон Кихоте отражается в пьесе в качестве внедренного драматургом в пьесу «чужого слова», постоянно находящегося в диалогических отношениях со словом автора.

Ключевые слова и фразы: Булгаков; Тургенев; Дон Кихот; героик; романтик; творческая личность; рыцарь; поэт.

Пономарева Дарья Васильевна

*Южный федеральный университет
ponomarewa.dar@yandex.ru*

**ПЬЕСА М. БУЛГАКОВА «ДОН КИХОТ» В СВЕТЕ СТАТЬИ
И. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»[©]**

Как известно, у истоков русского мифа о Дон Кихоте был И. Тургенев, в статье «Гамлет и Дон-Кихот» впервые «обнаживший философский смысл и трагическую сущность образа, прежде воспринятого в России как сугубо комедийный» [2, с. 624]. Отсутствие работ, посвященных рассмотрению пьесы М. Булгакова «Дон Кихот» в свете русской традиции донкихотства, обуславливает актуальность и новизну данной статьи. Цель нашего исследования заключается в анализе образа Дон Кихота Булгакова в контексте тургеневской интерпретации романа Сервантеса. В ходе работы будем отталкиваться от предположения о том, что освоение традиции в пьесе осуществляется на основе пародирования (пародийной стилизации), состоящего «в переводе пародируемого произведения <...> в другую систему» и удвоения, т.е. создания двойников пародируемых явлений, раскрывающих их подлинную сущность [4, с. 159].

Булгаков, следуя за мыслью Тургенева о том, что «коренной закон всей человеческой жизни» – это «вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал» [7, с. 341], синтезирует в образе своего Дон Кихота, творческой личности, героического романтика, рыцаря и поэта [3, с. 146-148], черты тургеневских Дон Кихота и Гамлета. Как и «центробежный» тургеневский Дон Кихот-энтузиаст, верящий «в нечто вечное, незбылемое, в истину», «находящуюся вне отдельного человека» и «требующую служения и жертв» [7, с. 332], булгаковский герой, осуждая «железный век» настоящего и не обращающая внимание на грозящие ему «опасности и беды», стремится к «золотому веку» будущего и «великим

подвигам» во имя идеала. Как герой, он живет «вне себя, для других», «для истребления зла». Он бесстрашен, терпелив, практически лишенный тщеславия и хвастовства сервантесовского идадьго, Дон Кихот Булгакова, тем не менее, «не сомневается в себе, в своем призвании», «воля его – непреклонная воля» [Там же, с. 332-333]: «Это злые волшебники-великаны, и я немедленно вступлю с ними в бой, чтобы перебить их всех до одного! Я истреблю эту злую породу!» [1, с. 229].

В то же время как романтику рыцарю Булгакова близки гамлетовские «поэзия речей» и острота мысли, противоположная односторонности ума тургеневского Дон Кихота-энтузиаста [7, с. 334]. Монолог булгаковского героя в первой картине, предвосхищающий появление Альдонсы Лоренсо, пронизан задумчивой мечтательностью. В романе Сервантеса, описывая необычное помешательство своего дядюшки, племянница идадьго сообщает цирюльнику Николасу: «Потом, бывало, бросит книгу, схватит меч и давай тыкать в стены, пока совсем не выбьется из сил. <...> Пот с него градом, а он говорит, что это кровь течет, – его, видите ли, ранили в бою. Ну, а потом выпьет целый ковш холодной воды, который ему принес мудрый – как бишь его? – не то Алкиф, не то Паф-пиф, великий чародей и его верный друг» [5, т. 1, с. 57]. Булгаков, пародируя сервантесовский стиль, скептико-иронические замечания о сумасшедшем передает/возвращает самому «безумцу», превращая их в исповедь поэта, мечтателя и энтузиаста: «Что это? Кровь? Да, кровь. Но нет рыцаря, который жалел бы крови, пролитой в бою. О драгоценнейший из всех драгоценных напитков – вода! Пусть зияют раны, пусть струится рыцарская кровь! Стоит рыцарю выпить ковш ключевой воды, и он вновь оживает и готов к дальнейшим победам» [1, с. 220]. При этом пародийное смешение изображаемого и изображающего стилей приводит драматурга к созданию вариации, которая «находит новые темы для того же стиля (смешивая его с другим)» [6, т. 1, с. 472]. Безумный бред сервантесовского Дон Кихота оборачивается в пьесе признанием по-гамлетовки рефлексизирующего художника, стирающего границы между сном и явью, но осознанно преображающего «околдованную» злом реальность силой своего воображения: «Но где же и когда я видел тебя? Не помню, не знаю... Быть может, это было во сне. Но все равно я избрал тебя и буду любить тебя до тех пор, пока не станет предо мной бледная смерть!» [1, с. 220]. Отзвуки романтизированной гамлетовской поэтичности и переживания одиночества слышны и в пророческих стихах перед поединком с Сансоном Карраско: «Да, смерть моя близка... я умираю. И ни на что я больше не надеюсь как в жизни, так и в смерти!...» [Там же, с. 293].

Переосмыслено Булгаковым и притворное, по мнению Тургенева, безумие Гамлета. Действительно, согласиться с Николасом в том, что «идадьго окончательно спятил» [Там же, с. 219], нельзя, но и предположить, что искренний в своем энтузиазме Дон Кихот притворяется и хитрит, также не представляется возможным. Сумасшествие героя больше напоминает высокое творческое безумие художника, обреченного видеть и понимать гораздо больше, чем окружающие. Вероятно, именно поэтому, травестируя первоисточник, драматург использует при изображении помешательства своего Дон Кихота не монологи сервантесовского рыцаря о его любимом Амадисе Галльском (с которым чаще всего сравнивает себя Дон Кихот в романе), а эпизод безумства в Сьерре Морене. В романе Дон Кихот, размышляя о том, «что лучше и что целесообразнее: подражать буйному помешательству Роланда или же меланхолическому – Амадиса», замечает о судьбе очарованного Роланда: «<...> хитрости эти его не спасли – Бернардо дель Карпыо их разгадал и задушил его в своих объятиях в Ронсевале» [5, т. 1, с. 265]. В пьесе сцена строится на удвоении. Булгаков, изображая высокое безумие поэта, пародирует комичные рассуждения сумасшедшего о том, как со стороны выглядеть наиболее убедительным в своем безумии: «Я последовал бы примеру Бернардо. Подняв великана, я задушил бы его в воздухе» [1, с. 219]. Таким образом, сравнивая себя с Бернардо, рубящий мечом воздух и мечтающий о Дульсине булгаковский Дон Кихот подражает одновременно буйным Роланду и тургеневскому Дон Кихоту и меланхолическим Амадису и Гамлету Тургенева.

Синтез романтической мысли и героической воли в образе булгаковского Дон Кихота пародийно обыгрывается в «смеховом диалоге» рыцаря и Санчо Пансы, который принимает форму травестийной вариации, характеризующейся совмещением высокого предмета и «преобладанием низкого стиля» [6, с. 471]. Иронично пародируя напыщенный стиль рыцарских романов, Сервантес так повествует о «жестокой схватке» Дон Кихота с бискайцем: «<...> благая судьба, хранившая Дон Кихота для более важных дел, повернула меч в руке его недруга <...>» [5, т. 1, с. 86]. Во втором томе сходный пассаж звучит более иронично и многозначительно, намечая, с одной стороны, на трусость Дон Кихота, а с другой – отсылая к рассуждениям рыцаря о храбрости и безрассудстве. Здесь предоставляется очередное свидетельство о том, что сервантесовский идадьго не настолько безумен, как кажется на первый взгляд: «Когда храбрец бежит, значит, он разгадал военную хитрость противника, а мужам благоразумным должно беречь себя для более важных случаев» [Там же, т. 2, с. 231]. В пьесе эти слова произносит сам Дон Кихот, адресуя их струсившему Санчо: «Ведь ты был на волосок от гибели! Очень хорошо, что ты догадался сдать. Ты поступил, Санчо, как мудрец, понимающий, что в отчаянном положении самый храбрый бережет себя для лучшего случая» [1, с. 222]. Далее «придирчиво» слушающий выдуманную историю Микомиконы оруженосец гротескно переворачивает наставление своего господина: «А как же вы уцелели, королевский брат? Вы, наверно, сдались? В отчаянных положениях самый храбрый бережет себя для лучшего случая» [Там же, с. 259]. Интересно, что реальное и выдуманное проявления трусости уравниваются, то есть сама мысль о возможном отступлении трактуется как трусость. Заметим, что булгаковский Дон Кихот, в отличие от героя Сервантеса, собственному совету так и не последует. Даже перед лицом неминуемой гибели (но при этом и ненастоящей игровой гибели от рук маскарадного рыцаря Белой Луны), он не боится смерти, а уступает мольбам Санчо и Герцогини. Но и это отступление оказывается временным. Обостренное чувство одиночества, центрированность творческого «я», «сознание собственного болезненного бессилия» [7, с. 339] и способность к отрицанию, скептицизму и самоиронии оборачиваются торжеством энтузиазма героического

романтика, продолжающего верить в бессмертие своей мечты. В финале пьесы по-гамлетовски не щадя себя, побежденный Дон Кихот осознает свою слабость, бессилие что-либо изменить в мире непонимающих его «других», где он «неустанно» боролся со злом, несмотря на насмешки, которыми его «осыпали» [1, с. 299]. «Но всякое самосознание есть сила» [7, с. 333], в герое Булгакова гамлетовская ирония отвергает навязанные извне неподвижность и бездействие. Поражение в быту силой творческой воли превращается в победу бытийного творческого идеала: «Я боюсь, не вылечил ли он мою душу, а вылечив, вынул ее, но другой не вложил...» [1, с. 299]. Благодаря трагической гамлетовской иронии творческая «маска» художника, трагикомический пародийный образ книжного странствующего рыцаря Дон Кихота Ламанчского, способствует раскрытию подлинного лица романтического поэта и энтузиаста Рыцаря Печального Образа.

Таким образом, усвоение Булгаковым традиции донкихотства, заложенной Тургеневым, реализуется в образе героического романтика Дон Кихота, синтезирующем черты тургеневских ироника-мыслителя Гамлета и героя-энтузиаста Дон Кихота. Тургеневский миф о Дон Кихоте отражается в пьесе в качестве внедренного Булгаковым в пародийную стилизацию «по Сервантесу» [Там же, с. 217] «чужого слова», постоянно находящегося в диалогических отношениях со словом автора.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Азбука-классика, 2002. Т. 7. Блаженство. 864 с.
2. Есипова О. Д. Дон Кихот // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 4. С. 622-630.
3. Пономарева Д. В. Дон Кихот как героический романтик в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1. С. 146-148.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
5. Сервантес Сааведра М. де Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: в 2-х т. / перевод Н. М. Любимова. М.: АСТ, 2007. Т. 1. 618 с. Т. 2. 633 с.
6. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: в 2-х т. М.: АCADEMIA, 2004. Т. 1. 512 с.
7. Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 330-348.

M. BULGAKOV'S PLAY "DON QUIXOTE" IN THE LIGHT OF I. TURGENEV'S ARTICLE "HAMLET AND DON QUIXOTE"

Ponomareva Dar'ya Vasil'evna
South Federal University
ponomarewa.dar@yandex.ru

The author analyzes the play "Don Quixote" by M. Bulgakov in the context of Don Quixote tradition established in the article "Hamlet and Don Quixote" by I. Turgenev in 1860. Bulgakov implemented the tradition mastering in the tragicomic parody image of heroic romantic Don Quixote, synthesizing the features of Turgenev's ironist-thinker Hamlet and hero-enthusiast Don Quixote. Turgenev's myth of Don Quixote is represented in the play as "somebody else's word" embedded by a playwright in the play, and which was permanent in dialogic relationship with author's word.

Key words and phrases: Bulgakov; Turgenev; Don Quixote; heroic; romantic; creative person; knight; poet.

УДК 81'372

Филологические науки

Статья отражает опыт применения пропозиционального анализа к актуальным газетным текстам и содержит некоторые пояснения и предположения по различению коннотаций предикатов. Автор ставил своей задачей обозначить некоторые трудности, с которыми может столкнуться лингвист, анализирующий речевые акты в их полноте. В частности, автор выдвинул предположение, что для определения семантических ролей партиципантов необходимо установить точное значение предиката в имеющемся контексте.

Ключевые слова и фразы: пропозиция; пропозициональный анализ; модус; диктум; семантические роли.

Прокудин Филипп Сергеевич

Казахский национальный педагогический университет имени Абая
suedlaender@mail.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДИКАТА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ТОЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ АКТАНТОВ[©]

Данная статья ставит целью рассмотрение применимости на практике пропозиционального анализа. Итак, какое толкование пропозиционального анализа мы видим у лингвистов? В. З. Демьянков, в частности,